Ганс Христиан Андерсен

Бабушка

Бабушка такая старенькая, лицо все в морщинах, волосы белые-белые, но глаза что твои звезды — такие светлые, красивые и ласковые! И каких только чудных историй не знает она! А платье на ней из толстой шелковой материи крупными цветами — так и шуршит! Бабушка много-много чего знает; она живет ведь на свете давным-давно, куда дольше папы и мамы — право! У бабушки есть псалтырь — толстая книга в переплете с серебряными застежками, и она часто читает ее. Между листами книги лежит сплюснутая высохшая роза. Она совсем не такая красивая, как те розы, что стоят у бабушки в стакане с водою, а бабушка все-таки ласковее всего улыбается именно этой розе и смотрит на нее со слезами на глазах. Отчего это бабушка так смотрит на высохшую розу? Знаешь?

Всякий раз как слезы бабушки падают на цветок, краски его вновь оживляются, он опять становится пышною розой, вся комната наполняется благоуханием, стены тают, как туман, и бабушка — в зеленом, залитом солнцем лесу! Сама бабушка уже не дряхлая старушка, а молодая, прелестная девушка с золотыми локонами и розовыми кругленькими щечками, которые поспорят с самими розами. Глаза же ее... Да, вот по милым, кротким глазам ее и можно узнать! Рядом с ней сидит красивый, мужественный молодой человек. Он дает девушке розу, и она улыбается ему... Ну, бабушка так никогда не улыбается! Ах нет, вот и улыбается! Он уехал. Проносятся другие воспоминания, мелькает много образов; молодого человека больше нет, роза лежит в старой книге, а сама бабушка... сидит опять на своем кресле, такая же старенькая, и смотрит на высохшую розу.

Но вот бабушка умерла! Она сидела, как всегда, в своем кресле и рассказывала длинную-длинную, чудесную историю, а потом сказала:

— Ну, вот и конец! Теперь дайте мне отдохнуть; я устала и сосну немножко.

И она откинулась назад, вздохнула и заснула. Но дыхание ее становилось все тише и тише, а лицо стало таким спокойным и радостным, словно его освещало ясное солнышко! И вот сказали, что она умерла.

Бабушку завернули в белый саван и положили в черный гроб; она была такая красивая даже с закрытыми глазами! Все морщины исчезли, на устах застыла улыбка, серебряная седина внушала почтение. Нисколько и не страшно было взглянуть на мертвую — это была ведь та же милая, добрая бабушка! Псалтырь положили ей под голову — так она велела; роза осталась в книге. И вот бабушку похоронили.

На могиле ее, возле самой кладбищенской ограды, посадили розовый куст. Он был весь в цвету: над ним распевал соловей, а из церкви доносились чудные звуки органа и напевы тех самых псалмов, что были написаны в книге, на которой покоилась голова умершей. Луна стояла прямо над могилой, но тень усопшей никогда не появлялась. Любой ребенок мог бы преспокойно отправиться туда ночью и сорвать розу, просунув ручонку за решетку. Мертвые знают больше нас, живых; они знают, как бы мы испугались, если б вдруг увидели их перед собою. Мертвые лучше нас и потому не являются нам. Гроб зарыт в землю и внутри его тоже одна земля. Листы псалтыря стали прахом, роза, с которой было связано столько воспоминаний, — тоже. Но над могилой цветут новые розы, над ней поет соловей, к ней несутся звуки органа, и жива еще память о старой бабушке с милым, вечно юным взором! Взор не умирает никогда! И мы когда-нибудь узрим бабушку такою же юною и прекрасною, как тогда, когда она впервые прижала к устам свежую алую розу, которая теперь истлела в могиле.